

УДК 343.97:328.185

Д.В. МИРОШНИЧЕНКО,

кандидат юридических наук, старший преподаватель

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

РОЖДЕНИЕ КОРРУПЦИИ

Статья посвящена явлению коррупции, рассматриваемого автором с точки зрения идеологического подхода. Данный подход позволяет определить культурологические предпосылки возникновения коррупции как системной проблемы современного правового государства, а также поставить вопрос о пределах правового регулирования в области противодействия данному явлению.

На протяжении двух последних десятилетий в отечественной уголовно-правовой науке ведется оживленная дискуссия по поводу правомерности зачисления феномена коррупции в разряд феноменов уголовно-правовых, его институализации путем отражения в уголовном законе. Отметим, что одним из первых в отечественной криминологии проблему криминализации коррупции поднял А.Н. Волобуев в 1988 г. [1].

Коррупция как социальное явление выражается в совершении различных коррупционных деяний, часть из которых признается преступными и преследуется в соответствии с уголовным законодательством. Но почему о коррупции заговорили именно в этот период времени и началось интенсивное научное изучение данного феномена? Разве ранее коррупции не существовало? А если не существовало, то почему она возникла?

На первый взгляд поставленные вопросы не принципиальны. Действительно, кажется очевидным, что коррупция существовала с древнейших времен и была присуща всем государствам в любые периоды их развития. В научной среде этот тезис является общепризнанным. Тем не менее отечественная наука обратила свой взор на данное явление только в перестроечный период (конец 80-х – начало 90-х гг. прошлого столетия). При этом подчеркнем, что ранее коррупцию не рассматривали как явление, присущее социалистическому строю, но, разумеется, были работы советских авторов, которые изучали ее в отношении буржуазных стран, употребляя при этом термин «коррупция» (см., например, работы Т. Емельянова, Ф. Раковского, Я. Бельсона и др.).

В недавнем советском прошлом коррупция понималась в довольно упрощенной форме – как

взяточничество, которое отражало практически весь комплекс корыстно-должностных преступлений. Однако о самом понятии «коррупция» государства старались умалчивать.

Если сравнивать современную проблему коррупции с проблемой взяточничества в советский период, то полагаем, что в последнем случае власть не нуждалась в таком универсальном понятии, как «коррупция», нагруженном в основном этическими коннотациями: «власть ради самой себя, но не ради общества». Проблема коррупции в этом смысле есть проблема борьбы со взяточничеством, а точнее – со взяточниками, с различного рода деклассированными элементами, не принимающими социалистической морали и требующими соответствующего исправления. То есть борьба со взяточничеством вливается в исторический контекст построения коммунистического общества, с приходом которого всякого рода инакомыслие и «пережитки прошлого» уйдут в историю. Об этом, в частности, говорит криминологическая литература и законодательство. В качестве примера приведем выдержку из преамбулы, данной к Указу Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество»: «Взяточничество является одним из позорных и отвратительных пережитков прошлого, оставленных капитализмом нашему обществу. Это уродливое явление чуждо и совершенно не терпимо для советского государства, вступившего в период развернутого строительства коммунизма. В условиях нашего государственного и общественного строя имеются все возможности для полного искоренения любых форм взяточничества» [2].

В данном контексте понятие «борьба» полностью себя оправдывает. Власть идеологически снимает с себя ответственность за происходящее, рационализируя проблему коррупции через идею «светлого будущего». Основная ответственность лежит на взяточнике. «...Наиболее часто причины совершения должностных злоупотреблений зависят от личности правонарушителя. Взяточничество, превышение власти или служебных полномочий, значительная часть злоупотреблений, подлогов, халатности не могут быть оправданы никакими объективными обстоятельствами, совершение их зависит от личности» [3]. Сама тоталитарная идеология выстроена для обеспечения власти правящего класса, и поэтому обвинить себя в коррупции власть не могла, иначе это привело бы к неразрешимому противоречию: борьба с коррупцией есть борьба с властью, то есть борьба с самой собой.

Если провести параллель между средневековым – периодом господства теологического (божественного) обоснования права, когда такое же обоснование получает политическая власть и периодом тоталитарной идеологии в период социализма, то несложно заметить аналогию.

Согласно теологической концепции, власть «помазанника божьего» (монарха) принадлежит ему по соизволению самого Бога (известны евангельские слова апостола Павла: «Несть власти аще не от Бога»). Таким образом, обличение государственной власти в коррупции непременно означает апелляцию к самому монарху, олицетворяющему своей особой весь государственный механизм. Это опосредованно представляет собой хулу на Господа, что равносильно безумию или верху кощунства, которое, естественно, жестко карается, вплоть до смертной казни.

В связи с этим примечательным представляется то, что в средневековый период сам термин *corruption* («коррупция»), пришедший на смену термину *καταλυσίς* в результате очищения латинского языка – официального языка католического богослужения от «языческих» древнегреческих корней, рассматривается сквозь призму христианской догматики. Коррупция интерпретируется как брэнность человеческого бытия (*corruptibilitas*), греховность и подверженность дьявольскому оболещению, под чьим воздействием гибнет душа. Буквально *corruption* в схоластике означает

«разрушение, разложение; изменение в категории «субстанция»; противоположность порождению, зарождению» [4]. Коррупция возникает, когда форма, тесно связанная с материей, перестает существовать, и тогда склонность ко злу создает возможность для повреждения природы. «Если следует чего-то опасаться, – пишет Августин Блаженный, – то лишь того, чтобы душа не умерла от убыли, то есть, чтобы она не утратила саму форму своего существования» [5]. Полнотой же сущности обладает душа мудрая, созерцающая неизменную божественную истину.

Таким образом, понятие коррупции в своем теологическом понимании полностью укладывалось в концепцию греха, позволявшей сосредоточить ответственность на самом грешнике, т.е. субъекте, отступившем от истины.

Разумеется, взяточничество существовало в то время и находилось под запретом соответствующих правовых актов. Однако оно не воспринималось как признак коррупции власти, как системное явление, присущее государству. Теологическое понимание права представляло любого преступника в качестве «отступника», грехи которого вменяются только ему и только он несет за них наказание. Таким образом, ответственность взяточника являлась персонифицированной, в связи с чем любая апелляция к власти, которую можно было бы в данном случае обвинить в коррупции, исключалась.

Законодательное противодействие взяточничеству носило бессистемный характер и производилось, как правило, по жалобам подданных на злоупотребления местных чиновников. Так, например, в английском ордонансе «О судьях» 1346 г. король Эдуард пишет шерифу Лондона о жалобах на злоупотребления судей, поступающих к нему, которые благодаря корыстной поддержке одной из тяжущихся сторон становятся на ее защиту. «Поэтому, – пишет король, – подвижные в этом деле совестью и желая быть угодными Богу, облегчить и успокоить наших подданных, а также свою совесть, мы постановляем следующее...» [6].

В современном государстве, в условиях гуманизма и правовых гарантий личности, когда человек становится во главу угла политико-правовых ценностей, когда государство объявляет себя социальным, оно тем самым заключает себя

в ловушку на фоне манифестации либеральных идей. С личности необходимо снять прежнюю ответственность за коррупционное преступление, которая на него целиком возлагалась, а власть, в свою очередь, должна обосновать свое право на существование, легитимировать себя. А этому может способствовать только воплощение идеи человека как высшей ценности через решение социальных, экономических, политических и иных проблем. Переориентация власти с тоталитарной идеологии на либеральную в корне изменила и концепцию причин преступности, которые перестали носить личностный характер, стали проявляться во всем колорите правовой жизни. Социальные, экономические и иные проблемы есть также и причины преступности. Таким образом, власть берет на себя ответственность за происходящее, и в динамике решения актуальных социальных проблем легитимирует себя.

Совершенное, но не выявленное и потому не порицаемое коррупционное деяние сеет сомнения общества в легитимности государственной власти, под которой М. Вебер понимал «внутреннее оправдание» ее (власти) монополии на насилие (принуждение) [7]. При осуществлении коррупции происходит экспроприация власти, в результате которой разрушается ее авторитет и демонополизируется право принуждения. Коррупционный механизм экспроприации при этом заключается в приобретении определенных прав, находящихся в компетенции субъекта власти посредством сделки с ним – подкупа. В этом случае политик может приобрести характер «предпринимателя», расценивая свои издержки как капиталовложение, из которого он, используя свое влияние, сумеет извлечь доход. То есть власть, по существу, вводится в рыночный оборот, становясь предметом торга. Коррупцию в данном случае можно охарактеризовать как «скупку государства» (*state capture*) (М. Вебер). Вебер рассматривал государственную власть не только с позиции силы, но и как авторитет, без которого власть не может быть легитимирована. Анализ феномена власти показывает, что без легитимации авторитетом от нее (власти) остается лишь сила, что оправдывает любую форму сопротивления ей [8].

Для средневековой теологической концепции источником авторитета власти и права принуждения явился Бог, для тоталитарного режима – ком-

мунистическая идеология, для современного правового государства – человек, его права и свободы. При этом поддержание источника легитимации служит условием устойчивости социальной коммуникации между властью и обществом. В этом, по словам Ф. Фейхе, и заключается сущность власти как порядка, через который – каким бы ни был его специфический облик (демократия, монархия, олигархия, тирания и т.д.) – человеческое общество конституируется как ассоциация объединяющихся индивидов. Это означает, что государство не имеет каких-то собственных целей и интересов, кроме названных «несобственных».

Опасность коррупции заключается в том, что она в целом отрицает авторитет власти, ее компетенцию в управлении обществом. Особую опасность коррупция приобретает в правовом государстве, при котором отрицание авторитета прав и свобод человека, выраженное в причинении им ущерба, представляет собой уничтожение самого авторитета власти, а значит – ведет к ее вырождению. Таким образом, власть как объект коррупционного посяательства терпит ущерб в двух аспектах: в аспекте силы (принуждения), поскольку данное право может быть отчуждено; в аспекте авторитета власти в силу подрыва оснований ее компетентности (несоответствие действий власти принципам ее осуществления) и, как результат, социальной коммуникации. Поэтому коррупция в правовом государстве существует как негативное системное явление, затрагивающее многие сферы социальной жизни, что есть следствие подрыва легитимности государственной власти, которую необходимо рассматривать в качестве основного объекта коррупционного преступления.

Коррупция – это проблема не взятничества в целом, а проблема оправдания власти самой себя. Данный тезис вновь выявляет этическую проблематику. Если власть ориентирована на себя, то решить социальные проблемы становится невозможным. В этом случае коррупцию необходимо сформировать как объект правового воздействия, подобно тому, как раб, осознавая свое рабство, выделяет себя в качестве субъекта, чем делает себя свободным. Культивирование проблемы коррупции – это освобождение власти от ответственности за невыполнение социальных

обязательств, вследствие чего продолжается ее функционирование. При этом праву отводится роль своего рода буфера для общественного негодования. Что это значит? Во-первых, догматическое определение коррупции задает границы мышления о ней. В нашем законодательстве этими границами охватываются некоторые составы преступлений (взяточничество, злоупотребление служебным положением, превышение должностных полномочий), во-вторых, такая догматизация способствует возрастанию правового идеализма за счет увеличения массы нормативного материала, направленного на борьбу с коррупцией, но не охватывающего собой действительные причины ее распространения. Разумеется, что в этом случае возрастает и правовой нигилизм.

Таким образом, противодействие коррупции смещено в правовое поле и если коррупция и существует, то виновны в этом не только недобросовестные чиновники, но и некачественное законодательство. С этим связано издание нормативных актов, регламентирующих проведение антикоррупционной экспертизы.

Рационализация коррупции через право является мощным инструментом функционирования власти, когда стремление к реализации правовых идей служит упрочению ее легитимности и вместе с тем снижению коррупции. Если бы государству пришлось говорить о коррупции как неотъемлемой (безысходной) части своего функционирования, борьба с этим явлением закончилась бы с уничтожением властью самой себя (аналогия с тоталитарной системой). Для того чтобы человеку осознать порок и бороться с его проявлением необходимо нечто постороннее, как источник порока, например дьявол (средневековье), «пережиток прошлого» (советский период) или болезнь (современный период). Если осознания этого постороннего нет, то субъект очевидно, борясь со своим пороком, начнет самоуничто-

жение. Скажем, он сможет отрезать себе палец, когда он болит, поскольку источник боли он видит только в себе, в своем ощущении, а не в занозе, которая угодила в палец. Правовой идеализм есть проявление и следствие рационализации своего порока властью, однако используемый ею, скорее, лишь в качестве анестезии, нежели лекарства. На этом фоне коррупция продолжает свободно существовать и более того, увеличивается ее уровень, за счет интенсивного участия власти в издании нормативных предписаний.

Позитивное право не способно охватить все жизненные моменты современного общества. Присутствует ряд факторов, которые ускользают от законодательного решения (традиции, мораль, идеология). Подводя итог, можно констатировать, что коррупция – более глубинная проблема, чем это принято считать. Не исключая роли права в созидании антикоррупционного мотива, тем не менее, считаем, что эта роль далеко не главенствующая, поскольку коррупция укоренена в самом способе функционирования власти.

Список литературы

1. Волобуев А.Н. Что такое организованная преступность // Социалистическая законность. – 1988. – №9.
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество» // Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX веков [в 3 ч.]. Ч. 3. – Саратов: Изд-во Саратовской гос. акад. права, 2005. – 282 с.
3. Ларьков А.Н. Проблемы борьбы с должностными преступлениями // Борьба с должностными преступлениями: сб. науч. тр. – М., 1977.
4. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
5. Федьё Ф. Воображаемое. Власть. – М.: Едитириал УРСС, 2002. – 152 с.
6. Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т.1. – М.: Юрист, 2007. – С. 375.
7. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 645.
8. Федьё Ф. Воображаемое. Власть. – М.: Едитириал УРСС, 2002. – С. 120.

В редакцию материал поступил 16.11.11

Ключевые слова: коррупция, идеология, правовое государство, взяточничество, ответственность, легитимация власти, рационализация коррупции.